

«СИМФОНИЯ» ВЛАСТИ КАК ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА РУСИ

В процессе нового государственного строительства России и в ходе поисков новой идентичности для церковного и гражданского общества все актуальнее выглядит вопрос об отношении христиан к государственному устройству. Этот вопрос получил свое освещение и в принятых " Основах социальной концепции Русской Православной Церкви", где впервые была сделана попытка сформулировать общие принципы церковно-государственных отношений. Данная проблема представляет несомненный научный интерес, тем более когда происходит процесс переоценки многих ценностей и поиски духовной опоры, фундамента, на котором можно было возвести новое здание российской государственности.

Пытаясь осмыслить происходящие в современной России события, мы строим свои расчеты на различных политических, экономических и прочих факторах, которые легко исчислить и измерить. Но чем дольше мы этим занимаемся, тем больше убеждаемся, что за текущими событиями стоит еще и реальность иного рода: настроения, господствующие в российском обществе, меняющиеся по какой-то необъяснимой, но вполне уловимой логике. Парадоксальным образом они оказываются более прочными и долговечными, чем официальные идеологии и политические режимы.

Один из важнейших таких архетипов – идея о слиянии церкви и государства (прежде всего монархии), или священства и царства. Данная проблема представляет несомненный научный интерес, тем более когда происходит переоценка многих ценностей и поиски духовной опоры, фундамента, на котором можно возвести новое здание Российской государственности.

В этой связи особенный интерес представляет исследование проблем, связанных с развитием государственно-церковных отношений на Руси и в России, особенно в то время, когда складывалось и государство, и церковь – т.е. в эпоху Древней Руси. Но на каких основаниях строились эти отношения ?

Прочные отношения между Православной церковью и государством стали складываться на Руси лишь после принятия князем Владимиром в X веке христианства от Византии. До того у Русского государства были связи с христианами и с христианскими государствами (прежде всего с Византией), были христиане (а также сочувствовавшие им) и в семье Киевского князя. Традиционно с принятием христианства связывается и начало русской государственности (если не в историческом, то в метаисторическом смысле) — не случайно П. Я. Чаадаев, характеризуя влияние и значение Крещения Руси,

* Статья подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ ВКАС-059-05
«Проблема «симфонии» светской и духовной власти на Руси в домонгольский период»

воскликнул: «целый народ, одним христианством созданный». Такая характеристика предусматривает в качестве аксиомы мысль о глубинном, неразрывном союзе церковных и светских институтов, психологическую зависимость «царства» от Церкви.

Эта мысль не нова, другое дело, как она интерпретируется и с чем связывается. К примеру, один из исследователей той эпохи В. В. Розанов полагал, что принятием христианства от греков «русские были уведены из древнего общего христианского руслу в специальный поток византийского церковного движения», вошли в «недоступный оживлению затон». «Разница между тишиною и движением, между созерцательностью и работою, между страдальческим терпением и активною борьбою со злом, — писал Розанов, — вот что психологически и метафизически отделяет Православие от Католицизма и Протестантизма и, как религия есть душа нации, — отделяет и противопоставляет России западным народам»[1] Не поддерживая и не осуждая заявленного, следует отметить только одно: В. В. Розанов пытался выразить идею о передаче «предсмертных стонов» умиравшей Византии «детскому сердцу» молодой Руси, давшей клятву свято беречь наследие своей религиозной матери. Для страны, по мнению мыслителя, наступил многовековой период «византийского строя», «византийской уставности», продолжавшийся до церковных реформ Петра Великого. [2]

В определенном смысле В. В. Розанов безусловно прав: понять историю и психологию русского православия X–XVII веков вне византийского контекста невозможно. Но вне этого контекста невозможно понять также и церковно-государственные отношения, складывавшиеся тогда на территории Руси. Идеалом этих отношений, как и в Византии, была симфония в церковно-государственных отношениях.

Симфония - это термин политической и церковной практики, так называемой "симфонии властей"[3]. Император правит в тесном контакте со жреческим сословием, с Патриархом (до определенного момента папой), православной Церковью. Между ними существуют органичные отношения, которые называются греческим словом - "симфония", т.е. "созвучие", "единозвучие"[4].

Каноническую норму таких отношений сформулировал император Юстиниан еще в VI веке. Классическая же, по мнению некоторых исследователей, формула взаимоотношений между церковной и светской властями заключается в «Эпаногоге» — кратком сборнике правовых норм, составленном в Византии в конце IX века. В «Эпаногоге» предложена концепция взаимодополнительности двух властей (что, однако, противоречило принципу византийской автократии): «мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства». Ни для кого не секрет, что в Византии симфония часто нарушалась, и, разумеется, в ущерб церковным интересам: греческие басилевсы часто претендовали на решающую роль в устройстве церковных дел. У русских государей не было наследия языческого Рима, потому и симфония

властей в русской древности осуществлялась в формах более правильных и церковных.

В домонгольский период идея симфонии властей была известна русскому церковному праву, ибо ее (симфонии) определение включалось в древнеславянскую Кормчую книгу — сборник апостольских, соборных и епископских правил и посланий, а также законов светской власти, являвшихся руководством при управлении Церковью и в церковном суде. Слово «симфония» переводилось в Кормчей как «совещание», «совет». Этот термин принадлежит к числу ключевых в русской политической и церковно-политической лексике, свидетельствуя о том, как понимали церковно-государственные отношения в Древней Руси. Теория симфонии появилась в Киеве одновременно с первоисточниками русского церковного права - Правилами Святых Апостолов, Святых Вселенских и Поместных Соборов и Святых Отцов, записанных в Номоканоне. VI Новелла Юстиниана первоначально попала в Россию, по-видимому, через Болгарию. Переданная митрополиту Кириллу в середине XIII века, она тогда и была вставлена в начало IV главы Кормчей Книги [5]. Великие русские князья получили в ней принцип сыновнего послушания Святой Церкви. Древние летописи оговаривают, что рядом с митрополитом должен находиться великий князь. Когда Русская Церковь обрела автокефалию, а цари заменили великих князей, симфония власти уже прочно укоренилась как нечто исконно русское. Эта диархия, эта симфония двух согласованных властей, священства (*sacerdotium*) и империи (*imperium*), каждая полновластная в своей области, была ясно провозглашена.[6].

Стоит остановиться несколько подробнее на сакральном значении императора в православном представлении о политической структуре. Император, Василевс, это не просто король, кшатрий. Он выполняет гораздо более фундаментальные функции. Через его фигуру, как через точку фокуса, церковная святость изливается на социально-политическое пространство мира, на человечество. Он является посредником во вселенской "экономике спасения", залогом ее бесперебойного и гармоничного функционирования. Именно православный император, сам факт его существования, выступает как гарант "хилиазма", как препятствие для прихода конечного отступничества и "конца мира". Его миссия уходит своими корнями в бездну метафизики. В чем-то православный император напоминает древнюю фигуру царя-жреца[7]. Православное византийское почитание императора в христианском контексте имеет сходные истоки. Император - царь царей. Он - главное ядро всего Политического, как оно осознавалось на этом этапе христианской истории. Император правит в тесном контакте со жреческим сословием, с Патриархом (до определенного момента папой), православной Церковью. Между ними существуют органичные отношения, которые называются «Симфоническими отношениями».

Протопресвитер Александр Шмеман считал даже, что в тот период существовала «почти небывалая в истории Православия гармония», причем, по

его мнению, в начале Киевского периода византийская симфония действовала под знаком влияния не столько Церкви, сколько государства.

Выросла, например, компетенция церковного суда, князь постоянно принимал наставления и руководства духовных властей. Действительно, в уставе князя Владимира, принявшего христианство, заявлено о том, что ни он, ни бояре, ни его судьи не могут судить церковных тяжб, вмешиваться в дела церковных людей. В своих начальствующих лицах Церковь на Руси получила возможность участвовать в светском суде; иногда как правовой и обычный судья, иногда в качестве ходатая за притесняемых. Духовенство участвовало в работе веча, в избрании князя, торжественно встречало избранного на стол князя, благословляло его на княжение. В свою очередь, княжеская власть влияла (или, по крайней мере, старалась влиять) на избрание митрополитов, епископов, игуменов монастырей и даже священников, могла изменять пределы епархий, переводила в случае нужды архиерейские кафедры с одного места на другое. Церковно-судебное решение приводилось в действие силой светской власти, эта же власть давала (или не давала) разрешение на перенос св. мощей из одного храма в другой.

При этом, однако, не следует забывать, что в те времена Русская Церковь представляла лишь одну из митрополий Церкви Вселенской (Греческой) и возглавлялась по преимуществу иностранцами: из 23 Киевских митрополитов домонгольской эпохи 17 архиереев были греками, у 4 национальность неизвестна и только 2 человека были русскими. На Руси всегда была подсознательная убежденность в «импорте» христианства от греков, почему и отклонение от полученного знания (мыслью или словом) воспринималось как потенциальная ересь. Стремление сохранить «все как было» — характерная черта средневекового русского православного сознания. К тому же греки никогда не стремились эллинизировать обращенных в христианство славян, культурное приобщение к византийской цивилизации ограничивалось языковым барьером.

Нельзя не согласиться, что проблема характера взаимоотношения Церкви и государства в домонгольской Руси является одной из наиболее дискуссионных. Обуславливалось это тем, что история Церкви и государства были более тесно взаимосвязаны. Государство сыграло огромную роль в становлении Русской Православной Церкви, и в свою очередь Церковь сыграла большое значение в формировании и развитии древнерусского государства. Далеко не все страницы взаимоотношения Церкви и государства изучены в достаточной степени. В частности, дискуссионным остается вопрос о характере взаимоотношения Церкви и государства в домонгольский период. Теоретически, исходя из того, что Русь заимствовала основные положения христианской веры из Византии, следовало, что византийская религиозно-политическая доктрина должна была быть заимствована на Руси целиком и полностью без каких либо изъятий, поскольку главной идеей этой доктрины была симфония, как сотрудничество двух властей: светской и духовной. Идея симфонии должна была быть усвоена или найти применение в древнерусской практике. Однако остаются

сомнения относительно того, насколько применима была эта концепция к русским условиям. Формально, если следовать источникам древнерусской литературы, идея симфонии нашла свое отражение в религиозно-политической мысли древней Руси. Древнерусские книжники неоднократно подчеркивали, что одна из главных добродетелей князя, является соблюдение им принципа симфонии, и князь теоретически соглашался с ним. Во всяком случае, об этом говорили и митрополит Илларион в середине XI века и спустя пятьдесят лет князь Владимир Мономах.

Следует отметить, что Церковь не могла играть самостоятельную роль в Древней Руси, так как она не обладала должными материальными ресурсами, и в условиях двоеверия ее авторитет в обществе был недостаточно высок. К тому же на нем сказывались определенные противоречия между русской паствой и ее пастырями, преимущественно византийскими греками, которые, по мнению других русичей были людьми, не заслужившими уважения.

Таким образом, все это неизбежно должно было привести к тому, что принцип «симфонии» в Древней Руси не мог соблюдаться в чистом виде, и соотношение духовной и светской властей было перекошено в преобладание власти светской.

Литература

1. Розанов В. В. Русская Церковь. Дух. — Судьба. — Очарование и ничтожество. — Главный вопрос // Розанов В. В. Религия и культура. М., 1989. Т. 1. С. 329.
2. Там же. С.335.
3. В.М. Живов, Б.А. Успенский. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России). // Б.А. Успенский. Избранные труды. Том 1, Москва, 1996, сс. 205-337.
4. В. Шохин. Пресемство или «вечное возвращение»? Об одном из архетипов отечественной религиозной мысли. // Континент, 1997, № 92, сс. 250-269.
5. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. София, 1939г
6. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология, репринтное издание Титул, СПб, 1993, с. 142.
7. Каждан А.П. Византийская культура.М.,1968,с.147

Библиография

1. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. София, 1939г.
2. Розанов В. В. Русская Церковь. Дух. — Судьба. — Очарование и ничтожество. — Главный вопрос // Розанов В. В. Религия и культура. М., 1989. Т. 1. С. 329.
3. Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999. С. 45- 48.
4. Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931. Ч. I. С. 143.

5. С. Рансимен. Восточная схизма. Византийская теократия. Москва, 1998, с. 178
6. С. Рансимен. Восточная схизма. Византийская теократия. Москва, 1998, с. 186
7. С. Рансимен, ук. соч., с. 216-217.
8. Г.П. Федотов. Святые Древней Руси. Москва, 1990, с. 91.
9. Прот. И. Мейендорф. Живое предание. Санкт-Петербург, 1997, с.264
10. В.Л. Махнач. Внутренняя и внешняя бюрократия. // НГ-религии, № 1 за 1998 г.
11. Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). // в кн. Избранные труды. Том I, Москва, 1996, сс. 184-204.
12. В. Волков. Русская монархия. // Regnum Aeternum, с. 17-18.
13. Б.А. Успенский. Царь и Патриарх. Москва, 1998, с. 153-155.
14. Г.Л. Курбатов. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция. // Сб. Культура Византии, т. I, Москва, 1984, сс. 98-118.
15. Г.Г. Литаврин. Предисловие к кн. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Москва, 1991, с. 20.
16. В. Шохин. Преемство или «вечное возвращение»? Об одном из архетипов отечественной религиозной мысли. // Континент, 1997, № 92, с. 250-269.
17. М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII веков, СПб., 1913г.
18. Поснов М. Э.История христианской церкви (до разделения церквей — 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 325—330.
19. Соловьев С. М.История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II С. 260, 268—272.
20. Ключевский В. О.История сословий в России. 3-е изд. Пг., 1918. С. 64.
21. Никольский Н. М.История русской церкви. 3-е изд. М., 1983. С. 33.
22. А.С. Крюков. Из истории слова dominus. // Вестник древней истории, Москва, 1998, № 1 (224), сс. 272-280.
23. Аверинцев С.С. Византия и Русь: Два типа духовности // Новый мир. № 7, 9.
24. Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология, репринтное издание Титул, СПб, 1993, с. 142.
25. Каждан А.П. Византийская культура.М.,1968,с.147
26. В.М. Живов, Б.А. Успенский. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России). // Б.А. Успенский. Избранные труды. Том I, Москва, 1996, сс. 205-337.
27. В. Шохин. Преемство или «вечное возвращение»? Об одном из архетипов отечественной религиозной мысли. // Континент, 1997, № 92, сс. 250-269.
28. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X-XI вв.: проблемы истории одного столетия: 976-1080гг. М., 1977. Наука.,с.311

29. Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. ЯНУС-К., с.655
30. Гуревич А.Я, Категории средневековой культуры. М.,1972.Искусство.,с.318.
31. Византия и Русь. /Ответ. Ред.Вагнер Г.К. М.,1989- Наука.,с.336.
32. Византия и славяне. Литаврин Г.Г/ Издат. Алетей., С-П 1999(сборник статей) – с 605.

Лихолетова И.Е., Ямпольская Г.А.

БЕЛГОРОДСКАЯ И СТАРООСКОЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ. БИРЮЧЕНСКОЕ БЛАГОЧИНИЕ

История православной церкви постоянно привлекает внимание ученых-исследователей, краеведов - любителей и широкие слои населения. Это объясняется тем, что история государства и церкви взаимосвязаны и переплетены. Административные изменения в стране влекли за собой преобразования в устройстве церкви. В связи с этим на протяжении столетий мы наблюдаем рождения, деления, преобразования православных епархий. Наиболее подверженными этим процессам являются области Центрального Черноземья России, на территории которых в разное время существовали: Белгородская, Белгородско-Обоянская, Белгородская и Курская, Курская и Белгородская, Воронежская (Воронежско-Липецкая), Белгородская и Старооскольская епархия и другие. Сегодня п. Красногвардейское (г. Бирюч) входит в состав Белгородской области, а, следовательно, Бирюченское благочиние относится к Белгородской и Старооскольской епархии, образованной постановлением Святейшего Синода Русской Православной Церкви от 18 июля 1995 года. Первоначально Бирюченское благочиние относилось к Воронежской кафедре. Территория Белгородской и Воронежской областей в историческом, культурном, социальном, хозяйственном и географическом отношениях являются единым целым, поэтому мы не имеем права проводить четкие границы в их прошлом. И рассматривая вопрос о становлении и развитии Бирюченского благочиния, мы обращаемся к истории двух соседних областей, нескольких епархий.

В данном исследовании рассматривается не только вопрос о количественном состоянии церквей, но и о составе духовенства Бирюченского уезда (Красногвардейского района). Затрагивается тема участия церкви в образовательной деятельности посредством содержания учебных заведений.

Появление первых церквей в нашем крае связано со строительством городов-крепостей, о чем свидетельствуют документы тех лет. Евфимий Болховитинов в своем труде «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» упоминает о церкви соборной деревянной в г. Усерде (1637).